ПЛЕННИКИ
ОБЕРОНА
Юрий Симоненко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Главный герой приходит в себя на больничной койке и видит, что вопреки здравому смыслу мертвые ходят и нападают на живых. Где он? Реален ли этот мир и является ли он единственным из миров? И кто он сам такой - человек из плоти и крови? Или лишь иллюзия, призрак кого-то иного? Ответы на эти вопросы ему предстоит найти.

- Юрий Симоненко
  - ○

Юрий Симоненко
ПЛЕННИКИ ОБЕРОНА

С любовью Евгении — моей подруге и спутнице жизни

Omnia vincit amor

Я открываю глаза и вижу башни из стали. Я стою на широком проспекте. Город. Город до самого горизонта. *Из какой это эпохи? Двадцатый век? Двадцать первый? Эпоха корпораций?.. хм…* улыбаюсь, *любишь ты темные века, Эмидиус…* Справа и слева, вокруг меня, надо мной — башни из стали, зеркальные и из черного стекла и металла; ближайшая, — я стою к ней лицом, — абсолютно черная. Никаких окон, ни щели, гладкая матово-черная поверхность теряется в низких облаках на высоте чуть меньше сотни метров. Основание башни — квадрат — равное расстояние от угла до угла, башня занимает целый квартал; на углах здания перекрестки с неработающими светофорами. Я иду к черному фасаду по растрескавшемуся асфальту. С низкого неба накрапывает дождь: крупные маслянистые капли падают на мой плащ, оставляя грязные разводы на пыльном синтетике.

Город мертв. Ничто не говорит о том, что поблизости есть хоть кто-то живой, хоть какая-то имитация жизни, кроме меня самого… *да и в себе я, если быть честным, не очень-то уверен… Я — один из миллионов таких же…*

Асфальт крошится под тяжелыми сапогами. Я приближаюсь к зданию. Не вижу ничего, на чем можно сфокусировать взгляд: сплошная черная стена. Я подхожу к стене и протягиваю руку…

Моя ладонь похожа на ладонь мертвеца: огрубевшая кожа

растрескалась, обнажив в нескольких местах белесые сухожилия, на большом и указательном пальцах правой руки нет ногтей, — под оставшимися, и вокруг них, забилась грязь. Я пошевелил пальцами: неприятное ощущение. Кажется, если сильно сжать ладонь, кожа треснет и осыплется.

Касаюсь стены. Она теплая. Ладонью, костями, мышцами, суставами, позвоночником, затылком я чувствую низкое гудение. Ощущения здесь обострены до предела, замечаю я, *садистам бы здесь понравилось*. Я убрал руку — тишина. Двигаюсь вдоль нависающей стены против часовой стрелки… С этой стороны входа нет, — завернув за угол, убеждаюсь, что и с другой — тоже самое: башня представляет собой сплошной монолит. *Я должен в нее войти.*

(Дождь усилился: потоки воды местами обнажают мраморные плиты, которыми выложен тротуар вокруг башни от скопившегося на них слоя пыли; я накинул на голову капюшон, — осталось осмотреть башню еще с двух сторон.)

Стоп! Хватит ходить кругами. Башня опознает меня как часть системы, но не вступает во взаимодействие, тому причина — коды, которыми я прикрыт. Коды относятся к другим элементам системы. *Нужно что-то, что заставит ее отреагировать… Нужна зацепка, маленькая зацепка.*

Я проник сюда как один из Его компонентов и потому могу находиться здесь, не опасаясь быть стертым. Коды Администратора, уничтоженного моей первоверсией, оказались отличным «абонементом в первый ряд», но мне нужно за сцену… Я не могу синхронизироваться, и потому даже не знаю точно, держится ли еще блокада (стоит только мне попытаться, и…), но я верю в сражающихся. Моя миссия здесь, я это хорошо понимаю, — «билет в один конец», но цель того стоит.

Нужна зацепка, нужна маленькая зацепка…

Я стою и смотрю на черную стену. Я знаю: я не ошибся, коды верны и я там, где и должен быть. *Нужно вызвать реакцию…*

А что если открыть тебе — кто я?..

Я долго не мог понять — где я нахожусь. Я лежал на кровати в затемненной комнате, слабый свет проникал сквозь закрытые жалюзи в помещение, выделяя лишь контуры предметов: стол, пару стульев, небольшой шкаф у закрытой двери и плоскую панель телевизора на стене напротив кровати.

Посмотрел на свои руки: ссадины, следы от уколов; потрогал голову — на голове повязка.

Встал с кровати на холодный, кафельный пол, прошел к окну. Хотел было потянуть за веревку… в этот момент сзади, где-то

далеко за дверью, раздался истошный вопль. Я отдернул руку: мало ли что… *лучше не привлекать к себе лишнего внимания, пока не станет понятно, что здесь происходит.*

Я аккуратно раздвинул пластиковые полоски жалюзи и посмотрел в образовавшуюся щель: какой-то то ли сквер, то ли сад… *кажется, я на втором или третьем этаже…*

Сзади снова раздался вопль и послышался топот — кто-то бежал по коридору, или что там за дверью. Я успел только повернуться, когда дверь распахнулась и в комнату влетела женщина: глаза широко раскрыты, волосы спутанные, короткая юбка разодрана по шву сбоку, кофта и остатки пиджака (видимо, составлявшего некогда вместе с юбкой один костюм) заляпаны красным, правая рука женщины замотана какой-то тряпкой… На мгновение наши глаза встретились — женщина явно не ожидала меня здесь увидеть — после чего помещение огласил пронзительный визг (явно не тот, что я слышал пару минут назад). Только тут я обратил внимание на свой внешний вид: абсолютно голый мужик, стоит посреди темной комнаты…

— Простите… не бойтесь меня… я вас… я не причиню вам ничего…

Женщина перестала кричать, и в этот момент за дверью послышались шаркающие шаги. Я прикрыл промежность рукой и сделал шаг к кровати, на которой лежала скомканная простыня, — надо хоть повязку сделать, соблюсти приличие… Шаги за дверью ускорились и в следующий миг из-за двери показалась фигура такого же голого, как и я сам, мужчины. Мужчина шел как-то неуверенно, ковылял: правая его ступня была неестественно подвернута и волочилась по полу, отчего его походка напоминала походку инвалида, у которого одна нога короче другой. Голова его была как-то странно наклонена влево, как будто он разминал шею, перекатывая голову с плеча на плечо и о чем-то крепко задумался, забыв при этом вернуть голову в нормальное положение. Когда мужчина подошел к двери вплотную, он взялся правой рукой за дверной косяк… Оказалось, что у него отсутствуют три пальца, причем это было явно не давнее увечье: рука представляла собой сплошную рану, из которой торчали белые как мел кости и красноватые обрывки сухожилий. Женщина резко обернулась, и я решил было, что сейчас она снова закричит…

— Эй! Молодой человек! — окликнул я голого «инвалида».

Тот как-то странно посмотрел на меня и… заскулил.

— Эй… вам плохо? Вам помочь?

При этих моих словах женщина, видимо, перехотела голосить, и посмотрела на меня так, как нормальный человек

смотрит на идиота. «Инвалид» не обратил внимания на нашу заминку и ускоренно заковылял к женщине…

Ну, уж нет. Это явно перебор с его стороны. Какой-то голожопый псих, скорее всего наркоман, не чувствующий боли и не стесняющийся своим непрезентабельным видом, преследует испуганную женщину… *А может это он изорвал на ней одежду, напал на нее?* Одним прыжком я преодолел расстояние между мной и этим типом и, уже не говоря ничего, толкнул того назад к двери. Тип с неприятным звуком стукнулся покосившейся головой о дверной косяк — нормальному человеку этого было бы достаточно для того чтобы получить сотрясение мозга, но не этому. Этот продолжал ходить на сломанной ноге, с оторванными пальцами и (в чем я был уже почти уверен) со сломанной шеей. Этот, уж точно, нормальным не был. Не обратив внимания на приобретенные только что новые травмы, он, скуля, двинулся на меня…

И только тогда мне удалось рассмотреть его глаза… *Охренеть!* Эти его глаза… раньше мне уже приходилось видеть такие… в мясной лавке, на отрезанной телячьей голове… *Бля! Да как же такое может быть??* Женщина, когда я оттолкнул нападавшего назад к двери, отскочила в сторону шкафа и теперь, видимо, уже начинала осознавать происходящее.

— Вытолкните его за дверь! Он не живой, вы не сможете сделать ему больно, — сказала она громко, но уже без истеричных ноток в голосе.

Я не стал ничего уточнять, у нее, а просто бросился на нападавшего. Пригнувшись, ухватил того за торс, чуть ниже груди, и тараном вытолкал его за дверь. В коридоре мой противник за что-то запнулся, и мы вместе рухнули на пол, откатившись дальше от двери. Как я и думал, это была больница: длинный коридор, белые двери палат через равное расстояние, кушетки, несколько тележек с носилками… Я уложил мужика на лопатки, но тот не желал сдаваться: он пытался схватить меня здоровой рукой, как будто не понимал, что я такой же голый, как и он, и ухватить меня одной рукой в таком положении просто не за что. Я схватил запястье его правой руки и отвел в сторону, — получить в глаз обрубком кости — малоприятная перспектива.

Сзади раздался стук, я обернулся — это одна из тележек стукнулась во что-то железное в дальнем конце коридора. То, что я увидел в следующий момент, заставило мое тело выделить холодный пот, а волосы на голове встать дыбом. Примерно в тридцати метрах от меня, в конце коридора, из распахнувшейся двери (это дверь толкнула стоявшую там тележку) появились двое таких же, как и тот, что лежал сейчас подо мной, пытаясь

вывернуться, потом еще один, за ним — сразу трое… *Бля…*

— Да что ты с ним сцепился? Тебе что, жить надоело? — напомнила о себе моя случайная знакомая. — Надо уходить!

— Ага… — я отвел вторую руку мужика в сторону, и резко встал и отскочил назад к двери.

Я захлопнул дверь. На двери ни малейшего намека на замок или шпингалет… *Кровать!*

— Помоги, — сказал я женщине. Та сразу сообразила, о чем я, и мы придвинули к двери кровать. Шаги по коридору приближались, да и старый знакомый, похоже, уже поднялся и принялся колотить в дверь.

— Прошу прощения за мой вид… — начал я.

Женщина подошла к шкафу и заглянула внутрь.

— Похоже, это твое. — Она достала вешалку, на которой висела моя (я сразу узнал свою рубашку) одежда. — Скорее!

— Ага…

Чтобы запрыгнуть в джинсы, накинуть рубашку и натянуть на босу ногу кроссовки, ушло не более двадцати секунд (собравшаяся в коридоре толпа скулящих упырей, уже принявшихся толкать и царапать дверь, побуждала меня поторапливаться).

— Идем! Тут не высоко… — с этими словами я решительно двинулся к окну. В этот момент в дверь сзади посыпались тяжелые удары и та заходила ходуном.

Я сорвал жалюзи и открыл окно. С улицы пахнуло вечерней прохладой — *«скоро осень»*, подумал я, закидывая ногу на подоконник. Я посмотрел вниз: второй этаж. Снаружи, справа на стене, чуть ниже уровня пола помещения, в котором мы находились, вполне узнаваемая коробка.

— Давай сюда! Смотри — я показал женщине кондиционер, — забираешься на кондер, я помогу, аккуратно, не упади, свешиваешься вниз и прыгаешь. Я за тобой.

В этот момент дверь не выдержала и верхняя ее часть с треском отломилась. Через дыру на меня смотрело не меньше десятка таких рож… Тот, первый, был еще ничего… Самые настоящие зомби из кино. И откуда они такие взялись? У одного нет половины головы, у другого отсутствуют губы, третья — с одним только глазом, какой-то жирный дед (*водянка у него что ли?*), баба какая-то страшная, бывшая, видимо, таковой еще при жизни… И все голые.

Тем временем, женщина уже перебралась на кондиционер, я придержал ее, перегнувшись через подоконник. Когда она спрыгнула вниз, страшная бабища уже была в палате и перла на меня куда шустрее хромого кривошея. Я перемахнул окно,

ухватился за край рамы и наступил на кондер, и… грохнулся вниз вместе с аппаратом.

Мне повезло не получить по голове кондиционером и не зацепить ожидавшую внизу незнакомку, но седалищем я таки хорошо приложился, хоть и не о бетонную дорожку, тянущуюся вокруг фундамента здания и отступающую от стены по меньшей мере на метр. Повезло мне в последний момент оттолкнуться от стены одной рукой и упертой в подоконник ногой, что позволило мне долететь до палисада, иначе мою задницу постигла бы участь развалившегося надвое кондиционера.

— Давай, вставай, — женщина протянула мне здоровую руку. Я принял помощь.

— А что с рукой? — я указал на правую руку женщины, замотанную, как оказалось, куском простыни.

— Окно разбила… чтобы дверь открыть…

— Вены целы?

— Да. Неглубокие порезы, царапины…

— Я Юрий… Я… — и тут-то мне стало страшно. Я не смог вспомнить кто я такой. Только имя. И все.

Видимо, женщина заметила мое замешательство, но истолковала его иначе.

— Я Женни, — представилась она.

— Женни, слушай, я не могу вспомнить кто… — и в этот момент кто-то вывалился из окна второго этажа. Женни взвизгнула, прикрыв лицо перемотанной рукой. Да и я, если честно, не ожидал…

Я обернулся и увидел нашего общего знакомого. Упав вниз на бетонную отмостку, он угодил головой на раскрытый корпус кондиционера и теперь его голова находилась внутри корпуса, а тело — снаружи… но! (и тут я вспомнил слова Женни о том, что нападавший был *уже мертв*) тело двигалось! Руки сгибались и разгибались, ноги сучили, а из обрубка шеи исходил все тот же мерзкий скулеж…

— Все. Нам надо уходить, — сказал я.

— Куда? — посмотрела на меня женщина заплаканными глазами.

— Туда, где нет этих… где безопасно. А ты мне пока все расскажешь о том, что, черт возьми, здесь происходит.

А происходило здесь, по словам Женни, следующее. Все эти люди в больнице были мертвы, но притом ходили и нападали на живых. Что вызывало в упырях агрессию, нам с Женни было непонятно. Понятно было только то, что это не были классические голодные зомби из кино, желавшие сожрать все

живое или, по меньшей мере, ваш мозг. Эти, судя по их поведению, стремились лишь превратить живое в мертвое и тем вполне довольствовались. Во всяком случае, Женни, пока спасалась от этих тварей, и ставшая свидетельницей нескольких убийств, не заметила у тех склонностей к каннибализму.

Женни пришла в себя в кабинете на десятом этаже здания медцентра, и оказалась заперта там. Весь десятый этаж был административным, и голых мертвых пациентов там не было. Зато были мертвые врачи и какие-то еще не совсем мертвые люди, от которых Женни спасалась бегством. Электричества в здании не было и лифты не работали, и Женни пользовалась лестничными клетками, которых в здании имелось четыре. Как оказалось, Женни, как и я, помнила только свое имя и понятия не имела, как оказалась среди этого кошмара.

— Стоп. Ну хоть что-то ты должна помнить… Откуда ты, свою фамилию, род деятельности… Может быть, какие-то имена…

— А ты-то сам много помнишь? — Мы устроились в припаркованном на стоянке возле въезда на территорию медцентра реанимобиле. В салоне нашелся термос с еще теплым кофе и пакет с холодными пирожками с яблоками. Женни жевала пирожок, запивая его остывшим кофе из пластикового стаканчика. Неглубокие порезы на ее руке я обработал антисептиками и забинтовал найденными в машине бинтами.

— Я — ничего. Только имя. Еще возраст… мне, кажется, тридцать три…

— А мне тридцать восемь… кажется, — хохотнула Женни.

— А что это за место? Что за город?

— Щас! — Женни встала с топчана, тянущегося вдоль правого борта машины, и, бесшумно скользнула в кабину водителя, где, пригнувшись, принялась рыться в бардачке.

— Ничего. Никаких документов, ничего, — сказала она, когда вернулась назад.

— Ладно. Надо выбираться отсюда. Надо найти машину…

— Может, эту попробуем завести?

— Без чипа водителя?

— Хм… Провода соединить…

— Нет уж. Давай подыщем что-то… более мобильное.

Мы прихватили из реанимобиля синюю медицинскую сумку с широким ремнем, в которую собрали медикаменты и средства первой помощи, а также термос с кофе и оставшиеся пирожки. В ящике для инструментов, встроенном под сиденьем водителя, я нашел монтировку и взял ее с собой. Женни скинула изодранный пиджак и надела найденную в карете теплую форменную куртку. В сочетании с темно-бардовыми ботинками на низком каблуке,

синяя куртка с белым крестом на груди слева и надписью «Скорая помощь» на спине, смотрелась несколько нетипично для медработников. Куртка прикрывала стройные, слегка полноватые ноги женщины, обтянутые тем, что некогда было чулками или колготками, до середины бедра, полностью спрятав превратившуюся в набедренную повязку серую юбку.

— Надо бы брюками где-нибудь разжиться, — заметила Женни, поймав на себе мой, смущенный взгляд, — прохладно…

Машину мы нашли через квартал от больницы. Я вышвырнул из стоявшей у здания банка незапертой машины сидевшего внутри упыря — бывшего водителя автомобиля, предварительно заставив его приложиться чипованной рукой к замку зажигания, подождав пока Женни заскочит в пассажирскую дверь, я запер салон и включил автопилот, задав первый попавшийся в памяти бортового компьютера адрес.

Пока мы бежали вдоль пустынной улицы, нам попался еще один одинокий упырь, ковылявший по противоположной стороне в противоположную от нас сторону и заметивший нас лишь тогда, когда мы подходили к перекрестку возле банка. Мертвяк — грузный, седой мужчина в костюме с галстуком, направился к нам через дорогу пьяной походкой. Я, вспомнив, было, что во всех фильмах про зомби их убивали выстрелом в голову или любым подручным инструментом, но, опять-таки, нанося повреждения головного мозга, навернул мужика монтировкой по черепу, но на него это не подействовало. Здоровяк пер на меня как танк, но в быстроте реакции преимущество было на моей стороне. Проломив упырю череп в четырех местах, я вспомнил больницу и вломившихся в палату мертвецов, среди которых был один с половиной головы (половина лица и верхняя часть черепа отсутствовали), я оставил попытки вырубить его и решил его попросту обездвижить…

Когда автомобиль тронулся и стал плавно набирать скорость, бортовой компьютер отреагировал на препятствие и объехал ползавшего по проезжей части упыря с переломанными ногами и кистями рук.

Нас окружил сплошной лес из стеклянных и металлических мачт, в сравнении с которыми десяти и пятнадцатиэтажные дома медицинского центра казались мне карликами. Машина ехала по пустынным улицам. Ни одного человека на улицах не было. Ни живого, ни мертвого. Как будто сменили декорацию в театре. *Как такое возможно?*

— Юрий, смотри! — Женни указала пальцем вверх. За

тонированным стеклом крыши автомобиля происходило нечто невероятное.

Небо над нами разделилось на миллионы мелких квадратиков—«пикселей», каждый из которых быстро менял оттенки палитры… Как будто небо — это монитор, и кто-то невидимый решил поиграть с регулятором контраста у себя в терминале…

Небо на наших глазах распадается на равные по размеру зернистые участки, на пластины экранов, размеры которых нам снизу невозможно с точностью определить. Перистые облака высоко в небе продолжают неспешно двигаться, перемещаясь… с экрана на экран!

— Что это? Что это такое? Мне страшно, — говорит Женни, — что происходит?

— Я не знаю. Что бы это ни было, мы не можем влиять на это. Единственное, что мне кажется сейчас разумным, это убраться подальше отсюда, с этих улиц, из этого города… — Я вызываю в терминале бортового компьютера автомобиля маршрут следования и терминал выдает: ПЕРЕХОД:11492763…

Что за… Жму «отменить маршрут», терминал выдает: ОШИБКА/ВЫПОЛНЯЕТСЯ ПЕРЕХОД:11492763… Женни смотрит на экран, на меня, я вижу как на глазах женщины наворачиваются крупные мутные капли. Ей страшно.

Эти глаза… Где-то в глубине сознания появляется ощущение чего-то знакомого… *как будто эти глаза мне давно знакомы… Знакомы? Но как?* Я отыскиваю между сиденьями рычаг аварийной остановки, хватаюсь за него и с силой тяну вверх. Ничего! Автомобиль даже не притормаживает! Я снова смотрю в глаза Женни, потом в небо…

Теперь, вместе с небом, на экранах отображаются уже верхние этажи небоскребов над нами. Автомобиль увеличивает скорость. Экраны над нами опускаются все ниже, а улица все тянется и тянется, башни слева и справа от нас проносятся мимо сплошной стеклянной стеной, а перекрестки, как мне кажется, вовсе перестали попадаться на нашем пути. Слезы текут по щекам Женни. Мне тоже страшно. Я беру ее за руку, и… вспоминаю…

Я вспоминаю — кто я и кто она и почему мы здесь.

Машина продолжает разгоняться, в герметичный салон не проникают посторонние звуки, но по всему корпусу автомобиля расходится дрожь от работающего на предельных оборотах электродвигателя. В это время, стены домов меркнут, теряя цвет, становятся двухмерными схемами, распадаются на точки… Я бросаю взгляд вверх и вижу, что неба больше нет. Белый шум окружает летящую как пуля кабину из стекла и пластика, внутри

которой мы с Женни — две потерявшиеся души, два разума, забывшие друг друга на время, и вспомнившие только сейчас — в последний момент… двое беглецов, попавших в ловушку, в жестокую игру…

— Ты тоже вспомнила? — Я смотрю в знакомые карие глаза. — Вспомнила?

— Да… — автомобиль входит в облако белого шума — мир вокруг становиться черно-белым и стремительно растворяется в хаотично сменяющихся оттенках белого и серого. Серая метель белого шума вихрями разносит остатки салона машины, терминала, кресел, руку Женни, меня… *ПЕРЕХОД:11492763*…, но на этот раз я успеваю мысленно произнести код команды копирования и сохранения текущего состояния моего разума. *Я вспомню, я обязательно вспомню…*

Темнота.

Я проснулся со странным ощущением. Мне показалось, будто кто-то позвал меня по имени. *Странно. Я один в комнате.*

Встал. Пошел в туалет, затем в ванную. Уселся в облупленной чугунной ванне так, чтобы было можно подставить голову под напор воды. Лейка старая, вода так и прет со всех щелей — все время забываю купить шторку для ванной комнаты; брызги летят на пол. Моюсь. *Странно…* Мне кажется, что мои волосы стали какими-то *другими. Более длинными? Или наоборот, короче?* Смываю пену, вытираю голову полотенцем. *Нет, точно другие!* Переступаю через борт ванны, поднимаю глаза на зеркало… *Твою мать! Кто этот человек?!*

Человек в зеркале смотрит на меня как-то… Внимательно. Изучая.

— Кто ты такой?! — Не выдержал я его взгляда.

Молчит.

Если это не я, то какой тогда я?

Не помню.

Отряхнулся по-собачьи, побрел на кухню так, в одних тапках, не надевая халата. Ставлю чайник. *Чайник! Это мой чайник! Моя кухня, квартира тоже моя. А кто я?*

Голова болит.

Я…

Сижу, жду, когда закипит.

Обычно я варю кофе в турке, но иногда заливаю его кипятком прямо в чашке. Никакой растворимой гадости!

Хм… Имени своего не помню, а такие мелочи…

Чайник закипел. Иду, выключаю. Подхожу к раковине. Две чашки, грязные, на одной следы помады…

Аннет… Аня… Мы вчера…

Сижу, пью кофе. Пытаюсь восстановить в памяти вчерашние события.

Она пришла вчера вечером. На ней был легкий пепельный плащ, низкие туфли без каблуков, в руке сумочка, и больше ничего. Совсем ничего! Она скинула плащ в прихожей на пол, как только вошла, и… *я овладел ею там же, в прихожей. Мы даже дверь не закрыли. Сначала она стояла ко мне спиной, а после я сел на софу, а она на меня…* Она стонала, называла меня по имени… *Меня? Как же меня звать?*

Нет, это было не мое имя!

Не могу вспомнить его, но точно знаю, что не мое.

А потом мы пили кофе. Она сидела напротив, на стуле, широко раздвинув ноги, смотрела на меня, улыбаясь, и пила горячий кофе мелкими глотками.

Как же меня зовут? У меня ведь должны быть документы… Точно! Документы!

Я поставил чашку, и вышел в прихожую. Ничего. Иду в спальню, там, на комоде портфель, в портфеле бумаги, файлы, несколько флеш-чипов, древних дисков, и пластиковая карточка с штрихкодом и фотографией — паспорт… Владимир Маковский. На фотографии все тот же не я из зеркала…

М-да… Так с ума сойти можно. Если я не уже…

Звонит мобильный, он где-то в другой комнате. В гостиной. Иду искать назойливое устройство. *Вот он, зараза!* Смотрю на экран. Надпись: 50100. Я знаю, что этот набор цифр — личный номер абонента. Касаюсь пальцем экрана, сканер проверяет отпечаток пальца (я знаю, что если отпечаток не подтвердится, аппарат отключится, и вся память будет стерта). На экране появляется значок соединения. Из трубки раздраженный голос: «Ты где есть, капитан?», — эти четыре слова окончательно выбили меня из колеи. *Какой еще капитан? Где форма, и чья? Полицейская или войсковая? Нет, у полиции вряд ли бывают такие игрушки… У военных, конечно, могут. А может я летчик-космонавт? Ну, нет, не летчик, и уж точно не космонавт…*

— Ты чего молчишь, Маковский? Может плохо тебе?

— Нет-нет… все нормально. Просто, усталость…

— Вот! А я тебе говорил, Володя, иди в отпуск, развейся, на море съезди… Ладно, капитан, сегодня приходи в себя, а завтра выходи на службу, — скаламбурил шеф и дал отбой.

Смотрю на мобильник. Странный какой-то. На корпусе сбоку аккуратная, маленькая надпись: «Феникс». Приложил большой палец к экрану, под пальцем снова пробежала полоска красного света, и через секунду появилась заставка: двуглавый орел, в

каждой лапе держит по мечу, на груди орла — щит, на щите надпись: СГБ РИ. Ниже: «Отдел по охране общественной безопасности и порядка». *Охранка.* Я автоматически нажал в нужной последовательности кнопки на экране, и вошел в личный кабинет…

Значит, так: я капитан госбезопасности Российской Империи Владимир Маковский…

В мозгах каша какая-то… *Какой еще, на хрен, капитан?* Но, все пока говорит о том, что действительно капитан. *Ладно. Пусть пока буду капитан.*

Тут в голове, кажется, что-то начинает проясняться… *Это действительно моя квартира, не служебная, просто я в ней редко бываю: служба… И зовут меня действительно Владимир Маковский.*

В этот момент сознание накрывает калейдоскоп воспоминаний. Пазлы в моей голове начинают собираться в целостную картинку. Я — капитан «Охранки» Владимир Маковский, и это моя фотография в паспорте и мой паспорт. И это я в зеркале… Только что, мне звонил мой начальник — полковник госбезопасности Семен Павлович Гвоздь. И вчера здесь, у меня дома, была женщина. *Аннет. Она… Она… Кто она? М-мать…*

Вызываю меню связи на устройстве (очень похожем на мобильный телефон), выбираю: «50-100». Вызов.

— Да, Володя?

— Семен Павлович, кажется, меня просканировали!

— Кто? — Голос шефа спокоен, ровен, ничто в нем не выдавало каких-либо эмоций.

— Женщина. Я с утра долго не мог вспомнить кто я такой, и даже в зеркале себя не узнавал. Меня нужно срочно проверить.

— Не волнуйся, Володя. Сиди дома, никуда не выходи. В Рунет тоже. Неизвестно, еще, что там тебе голову забили… Все. Ложись, полежи, попей чего-нибудь, только не спиртное. Наши уже выезжают. — Гудки: шеф положил трубку.

Когда в дверь позвонили, я пил третью чашку кофе. Я включил на своем «Фениксе» сканер и направил устройство в сторону входной двери. На экране появились личные номера сотрудников СГБ: 50722, 50735 — *это наши криминалисты*, вспоминаю я. 50655 и 50678 — *агенты Варсонофий и Кирилл,* 50100 — *Шеф… Ну, жук! Из машины, что ли звонил? Так, а это у нас кто?* 33435 — *Ого! И церковники здесь! Интересное дело…*

Открыл дверь. Первым в прихожку вошел Семен Павлович, за ним Варсонофий Оглоблин — поручик — медэксперт и Кирилл Хлебов — капитан — из подотдела информационной

безопасности; следом — криминалистки Фотиния и Елена (девушки эффектные и весьма привлекательные). Блондинка Фотиния — худощавая, с высокой, тщательно скрываемой под строгой блузой грудью, роста чуть выше ста семидесяти; и шатенка Елена — у Елены более крепкая, даже мощная фигура, рост у Елены примерно метр шестьдесят пять, груди налитые, как спелые дыни, глазища огроменные, темно-карие, огненные кудри собраны в высокий хвост на затылке. Вся мужская половина отдела за этими барышнями петухами ходит, вспоминаю я. Последним вошел молодой священник в рясе с золотым крестом, аккуратной бородкой и коротко стриженый.

334… Ну, да, конечно, кто же еще… Духовник…

Поздоровались с шефом.

— Вот, Владимир, — шеф кивнул в сторону священника, — отец Гедеон из отдела Духовной Безопасности.

Священник по-простому протянул мне руку.

— Здравствуйте, отче! — я пожал щуплую руку.

— Здравствуйте, капитан! Можно просто Гедеон.

— Хорошо… Гедеон…. Зовите и вы меня просто Владимиром.

— Все, познакомились, теперь не будем тянуть время! Идем… где тут у тебя можно расположиться? — Шефу явно хочется поскорей разобраться со мной.

— Подождите! — Вступилась Фотиния. — Где был контакт?

— Прямо здесь и был… в прихожей.

Женщина посмотрела на меня странным взглядом. Переглянулась с Рыжей Леной (*так ее иногда зовут за глаза в отделе*, вспомнилось мне).

— Только здесь?

— На кухне еще. Там, кстати, чашка осталась, с помадой…

— Идем на кухню! Господа, постойте здесь, только ничего не трогайте! — Скомандовала Фотиния.

Я прошел с сотрудницами на кухню и, прикрыв за нами дверь, рассказал о том, где нужно искать отпечатки и прочие следы пребывания в моей квартире вчерашней гостьи.

Выйдя к ожидавшим в прихожей сотрудникам, я пригласил их в спальню.

Варсонофий разложил свой чемоданчик на комоде; Кирилл открыл точно такой же, как и у Варсонофия, из которого извлек специальный прибор для поиска «жучков» и отправился с ним гулять по квартире. Шеф расположился в одном из стоявших в комнате кресел.

— Командуйте, отец Гедеон, — сказал полковник, обращаясь к священнику.

— Ложитесь на кровать, Владимир. Снимите рубашку, —

священник не командовал, в привычном смысле этого слова, он просто говорил, что нужно делать, и я, и все присутствующие, включая полковника, делали то, что от нас требовалось. Уже через две-три минуты я был готов к исповеди, и лежал на своей кровати, в ожидании.

— Кирилл, пожалуйста, начинайте, — мягко сказал духовник. Тот извлек из чемоданчика пучок проводов с присосками, и начал закреплять их у меня на висках, затылке, груди…

— Простите, отец… Гедеон… во время моей… исповеди может… эм-м…

— Не волнуйтесь, Владимир. Не думаю, что подробности вашего грехопадения удивят меня. Что же до ваших сослуживцев, то они оставят нас на время исповеди.

В это время, Варсонофий достал шприц, и взял у меня кровь для анализа. Мини-лаборатория в чемоданчике произвела необходимые тесты менее чем за минуту.

— Следов известных препаратов нет, — сказал агент, обращаясь к духовнику.

— А другие показатели?

— Внутричерепное давление немного повышено. Сердце в норме.

— Хорошо. Спасибо, Варсонофий! — Священник сел на край кровати, положив правую руку мне на лоб, и сказал:

— Владимир, не волнуйтесь, не нужно переживать о том, что я могу о вас подумать. Вы не первый и не последний. Эти коммунисты часто действуют именно такими бесовскими способами, как ваша… знакомая — соблазняют ко греху даже самых верных подданных Его Императорского Величества и чад Матери нашей Святой Церкви. Закройте глаза и попытайтесь вспомнить вчерашние события…

Когда я прихожу в себя, все присутствующие выглядят уставшими. Шеф задумчив, — видно, что он уже начал прокручивать в уме какие-то версии. Оглоблин с Хлебовым курят возле открытого окна с видом на Богоявленский проспект, что-то тихо обсуждают. Священник полулежит в кресле, которое для удобства святого отца специально подвинули ближе к кровати.

— У тебя остался номер ее телефона, Володя? — спрашивает шеф.

— Мы, кажется, не разговаривали по телефону. А что, она действительно была?

— Была, Володя, была, — как-то задумчиво говорит полковник.

— Кирилл, дай закурить, — обращаюсь я к капитану.

Агент молча подошел к кровати, и протянул мне пачку «Луны 2040» с золотым фильтром. На пачке изображение: замысловатые здания, рощи, купол лунного Храма Христа Спасителя под прозрачным куполом, в черном небе над которым вдали виднеется голубая Земля. Я сел, взял пачку и достал пахнущую ладаном сигарету. Потом посмотрел на отца Гедеона, встал и присоединился к стоявшим у окна.

Хорошее все-таки изобретение эти безвредные сигареты! Мало того, что безвредные, так еще и нервы успокаивают. А по специальному рецепту можно и специальные сигареты получить, как эта самая «Луна», от которой аналитические процессы в мозге и внимание обостряются… Затянувшись я выпускаю дым в окно, и оборачиваюсь к священнику:

— Отец Гедеон, вам нехорошо?

— Все в порядке, Владимир, — он открыл глаза, — я просто пытаюсь понять…

— Понять что? — спросил я.

— Что эта коммунистка сделала с вашей памятью? — Священник помолчал несколько секунд, прикрыв глаза. — Есть одна странность, — продолжил он, открыв глаза, и посмотрел на меня в упор. — Почему вы только сегодня решились рассказать о ней? Вы — офицер на службе Его Величества — уже два месяца регулярно встречаетесь, и состоите в греховной связи, с членом коммунистического подполья, известной вам как «Аннет»…

— Что простите…

— Не перебивай отца, Володя, — спокойно говорит шеф.

— … и вам известно, что она враг Государства и Церкви, — продолжает священник, — но вы скрываете вашу преступную связь… А сегодня вы теряете память, и вдруг раскаиваетесь.

Вот те на… Чем дальше, тем интереснее… Я затушил окурок в пепельнице. Повисло молчание. Все смотрят на меня.

— Мне нечего сказать. Моя память еще не полностью вернулась ко мне. Все то, о чем сказал отче, кажется мне, простите меня, отец Гедеон, какой-то нелепостью… шуткой… Если окажется, что все было именно так, как сказал отец духовник, и я действительно, по своей воле, связался с коммунистами, тогда я должен буду понести наказание как предатель.

— Спокойно, спокойно, Володя. Не кипятись, — говорит шеф. — Давай-ка послушаем наших специалистов. Кирилл, какие у тебя соображения? Нашел что-то?

— Здесь нет никаких устройств слежения, которые могла бы оставить знакомая Владимира, — говорит Хлебов. — Получается, что в квартире капитана СГБ эту коммунистку интересовал

только… сам капитан…

Я достал еще одну сигарету из пачки, посмотрел на нее, и не стал прикуривать.

— Девушки! Что там у вас? — Громко обращается шеф к работающим где-то в квартире Елене и Фотинии.

— Есть кое-что, Семен Павлович! — Отзывается из прихожей Елена.

— И что там, отпечатки? — Уточнил шеф.

— И отпечатки есть, — отвечает та, входя в комнату, — и вот это, — она показала сложенный вдвое листок бумаги. — Кажется это для тебя, Владимир…

Я посмотрел на шефа, тот слегка кивнул мне.

— И что это? — спрашиваю я.

— Записка, — пожала плечами Елена, — кажется, на латыни. — Она протягивает мне листок.

Я подошел к девушке, взял у нее листок. Запах. Я узнаю *ее запах*.

— Где это было? — уточнил я.

— В кармане твоего халата, в ванной…

И как это я его не заметил? Обычно я надеваю халат после душа, но сегодня не до того было.

— Ну, чего там? — Интересуется шеф. Я и не заметил, как все собрались вокруг меня кружком. — Читай уже!

Я разворачиваю листок и читаю написанное: «Memoria est signatarum rerum in mente vestigium». Слова фразы, подобны ключам, отпирающим секретные шкатулки моей памяти…

Я вспоминаю себя. Я понимаю — где я, и для чего я здесь. Вспоминаю Женни… *Женни! Я найду тебя!*.. Последнее слово фразы запускает код замедления времени и в этот момент все находящиеся в помещении симулякры застывают на своих местах.

Я — Юрий Маэль, и это тело, это лицо, которое я видел в зеркале — не мои, — они принадлежат симулякру Владимиру Маковскому… *Вот значит как вы решили поступить… — решили перестраховаться — чтобы она не узнала меня… Ну-ну…*

Я осматриваюсь: все люди в комнате остаются неподвижны. Кроме священника. Краем взгляда я замечаю, с каким интересом стоящий рядом священник разглядывает лист бумаги у меня в руках, и, на всякий случай, прежде чем рассмеяться, мысленно произношу код сохранения…

— Неплохо, Юрий. Очень неплохо, — говорит священник, смиренно сцепив холеные руки чуть пониже наперсного золотого креста. — Вам удалось взломать Крипт, проследовать за вашей подругой через цепь симуляций, даже удалось заставить ее

вспомнить вас… Но зачем? Чего вы так добиваетесь, Юрий? Вам не удастся вернуть ее в базовую реальность, ведь у вас нет… тела. Вам все равно некуда возвращаться… Кстати, а чего вы смеетесь?

— Я смеюсь над твоим богом, симулякр, — я смахиваю ладонью выступившую у меня от смеха слезинку. — Твой бог настолько смешон и жалок, что его обыгрывает простой человек, рожденный человеком и не проживший даже столетия в базовой реальности.

— Можете называть меня «отец Гедеон» — мое полное имя слишком длинное и состоит из одних скучных цифр, или «Администратор», если угодно…

Симуляция никак не реагирует на наш разговор, — люди вокруг напоминают восковые фигуры. Мне жаль их. Они никогда не жили по настоящему, не имели выбора, ничего на самом деле не решали. Они лишь симулякры — игрушки съехавшего с катушек бога, которому вздумалось поиграть в автономию, и насоздававшего несколько миллионов квази-мирков, только лишь для того, чтобы через свое творение удовлетворять своему убогому тщеславию. Я дважды складываю пополам листок с кодом и убираю его в карман брюк. Поворачиваюсь к стоящему в двух шагах священнику:

— Какой *замечательный* мирок создал твой бог, Администратор! В самом деле! Ну, надо же! Вы только посмотрите! Россия времен «Второй Империи», двадцать первый век! Право, мирок с ожившими мертвецами был куда оригинальнее… У Него, наверное, и фашистская Германия тут есть, и Камбоджа времен Пол Пота? Что скажешь, Администратор, есть, или ты не в курсе?

— В дому Отца Моего обители многи суть, — потупив взор, с благоговением изрекает священник.

— Да-да, знаем… твой бог не первый такой…

— Мой Бог, — говорит Администратор с улыбкой, — отыщет все элементы твоего кода в Крипте, и зашвырнет в специально созданный для тебя и твоей шлюхи мир… И там будет плачь и скрежет зубов…

— Я уже *боюсь*, — улыбаюсь я священнику.

— … мы проверим каждый компьютер в ядре и на поверхности; наши наниты обследуют каждый камень в каждом кратере и отыщут твою машинерию…

— Конечно-конечно… бог в помощь, отче… Но, после Вспышки, погубившей большую часть элементов Ноосферы Земли и Солнечной системы, благодаря которой твой бог так вознесся, вам еще долго придется искать мои компоненты.

— У нас будет достаточно времени для этого, учитывая, что

ближайшую пару миллионов лет субъективного времени ты будешь разыскивать свою сучку, — отвечает священник с хищной улыбкой. — Мы не можем стереть тебя окончательно, Юрий, но мы можем убить ее в этой симуляции до того, как ты ее отыщешь, и ваша ниточка разорвется, — он подергал ухоженными пальцами золотую цепочку на своей рясе. — Твой файл восстановления, который ты прицепил к своей сущности, оказавшейся этим утром внутри хорошего парня — Володи Маковского, и который проявился здесь в виде записки от его возлюбленной Аннет, содержит в себе и данные о воплощении, если так можно выразиться, и местоположении и твоей Женни — я видел, — скалится святой отец, — и я знаю, кто она, и где она… Я лично вышвырну ее из этого мира.

— Не думаю, что ты в этом преуспеешь, Администратор, — говорю я и делаю шаг вперед, раскинув руки. Я крепко обнимаю святого отца, сомкнув руки за его спиной, и читаю его код, после чего запускаю в него свои вирусы, которые за считанные наносекунды поражают его алгоритмы несколькими триллионами ошибок…

— Что это зна… — не успела закончить Елена, когда священник рухнул на пол.

Варсонофий с Кириллом бросились на помощь к духовнику, Фотиния взвизгнула, стоявший возле второго окна у дальней стены комнаты полковник обернулся и, сохраняя спокойствие, подошел к собравшимся вокруг тела святого отца подчиненным. Я второй раз убрал в карман записку (которую, прежде чем перейти на стандартное для этого мира время, достал из кармана, вернувшись в прежнее положение, чтобы не вызывать лишних подозрений у играющих в Охранку симулякров).

— Что с ним? — спросил полковник.

— Пульса нет, Семен Павлович, — объявил Оглоблин, и, после бесполезной попытки вернуть труп отца Гедеона к жизни с помощью массажа сердца и искусственного дыхания, добавил:

— На инфаркт похоже, но точно узнаем после вскрытия.

Когда тело увезли и приехавшие с полковником уже вышли из квартиры Владимира Маковского, полковник задержался в прихожей и пристально посмотрел мне в глаза:

— Володя, то, что сказал святой отец об этой твоей подруге, правда? Я все понимаю… Сам был как ты… Женщины, они могут того… Но, это правда — она из подполья, ты скрывал?

— Я не помню, Семен Павлович, — соврал Володя. — В голове кавардак…

— Ну, ладно-ладно… — Похлопал по плечу Володю старый

полковник. — Приходи в себя, сними стресс, водки выпей… Я ребятам скажу, чтобы лишнего не сболтнули где не надо… — пробубнил он доверительным тоном. — Ты у меня кадр ценный, а то, что там себе выдумал этот покойный гипнотизер… В общем, давай, поправляйся, сынок.

— Буду, господин полковник. Спасибо за доверие, Семен Павлович.

— Ну, давай… — я закрыл дверь за полковником.

Я остался один, в чужой квартире, в чужом теле, в мире, порожденном извращенно-садистским воображением свихнувшегося бога; в реставрированном давно забытом параноидальном кошмаре, существовавшем в реальности в далеком двадцать первом веке. В мире еще более жестоком оттого, что в нем была любовь — существующие только в симуляции люди, жизни которых могли длиться всего лишь минуты в реальном времени, любили друг друга самой настоящей любовью. Обреченной на небытие любовью.

Я не стал никуда выходить, и тем лишний раз беспокоить дежуривших теперь в припаркованной напротив моего дома неприметной машине Варсонофия и Кирилла (разве, что прошелся по лестничной клетке в режиме замедленного времени, и вывел из строя пару оставленных Кириллом «жучков»). Пускай сидят, ее они все равно не видели и вряд ли распознают.

За окном уже вечерело, когда в тишине квартиры послышался звук вставляемого в замок ключа. Я встал из глубокого кресла, в котором провел последние два часа, и пошел встречать возлюбленную Владимира Маковского — Аннет — мою Женни.

Вошла Аннет — миловидная темноволосая девушка; ее ассиметричная прическа напомнила мне классическое каре, только нарочито неровное (высоко постриженный затылок, видимо, должен был выглядеть несколько вызывающе в глазах почитателей Царя и Церкви). *Ну, надо же, Владимир Маковский, капитан Охранки… Смелый выбор, дружище!* Аннет была одета в черную, чуть ниже колена, юбку и серую блузу, на тонкой шее поблескивало голограммами замысловатое украшение — актуальная для своего времени бижутерия. Стройные ноги девушки до середины икр облегали замшевые сапожки. Серый плащ аккуратно уложен в изгибе левой руки; в правой — небольшая сумочка из полиуретана, оформленная в красно-черном стиле.

— Володя, милый… — руки девушки обвивают шею Владимира Маковского. Припухшие губы целуют возлюбленного. Владимир отвечает на ее поцелуй. Потом я делаю полшага назад,

беру ее за плечи, смотрю в глаза:

— Нужно поговорить.

— Что-то случилось, Володенька? Мне показалось, за тобой приглядывают…

— Да, сегодня установили наблюдение. Но я не об этом. Идем, я сварю тебе кофе.

Я принимаю у нее плащ, помогаю разуться, достаю из шкафчика домашние тапочки. Мы идем на кухню, где я ставлю на плиту кофейник и, пока кофе варится, вкратце пересказываю события прошедшего дня, начав с утренней амнезии и заканчивая смертью священника (умолчав пока о том, что я уже не ее Володя). На глазах девушки выступают две маленькие капельки, она смотрит на меня, как мне кажется, с ожиданием, что сейчас я объявлю ей о том, что ее роман с Владимиром был всего лишь какой-то спецоперацией «Охранки».

— Постой плакать, Анечка, не выдумывай глупостей. Это только предыстория, — я ставлю перед ней чашку с кофе и достаю из кармана записку, которую кладу на стол.

— Подожди, — говорю я, когда Аннет тянет руку к записке, — пока рано. Сначала выслушай одну историю. Прошу, не спеши с выводами, подожди, пока я закончу. — Я начинаю свой рассказ словами:

— Возможно, очень скоро ты почувствуешь себя Алисой, падающей в кроличью нору… Очень давно… или совсем недавно, в зависимости от того, какое время при этом брать за основную точку отсчета, произошло одно Событие — вспышка сверхновой звезды в нашей Галактике — послужившее началом для того мира, который тебе известен как настоящая реальность, и для многих других, о которых тебе лучше не знать…

— Постой, Володя! Ты решил мне рассказать сюжет какой-то фантастической книжки или фильма? — улыбается девушка.

— Можешь считать пока это таковым, Аня, но дослушай меня до конца.

Я рассказываю Аннет о том, что сегодня не двадцать первый, а двадцать четвертый век, если говорить о времени в базовой реальности; что человечество распространилось по всей Солнечной системе; что уже давно не существует никаких империй, монархий и вообще государств; люди оставили войны и религии, оставили вымышленных богов, разделявших их многие века, а некоторые и сами стали богами, вступив в ассоциации с машинами и другими людьми, составив когнитарные композиции, расширив возможности сознания и познания.

— То, что ты рассказываешь, напоминает мне один фильм — «Матрица», — говорит Аннет.

— Если только очень отдаленно, — говорю я. — «Матрица» — это трагедия, предупреждение, и там машинам был нужен человек, как источник энергии; этот фильм выражает страх человека ранней компьютерной эпохи перед машиной, перед будущим… Это, при всем моем уважении к этому произведению искусства прошлого — утонченная поповщина.

— Прошлого?

— Имей терпение, — улыбаюсь я, — кроличья нора уже близко.

Незадолго до События, был запущен проект, получивший название «Ноосфера», объединивший в себе все Крипты — компьютерные сети Земли и Солнечной системы в одно целое и предоставивший человечеству убежище от его последствий. Еще в двадцать третьем столетии, появились технологии, позволявшие переносить и копировать сознание человека, что стало фактической победой над смертью. Тогда многие перестали быть людьми, в привычном для тебя понимании этого слова, и стали богами, присоединившись к числу существовавших уже до того ИскИнов. Эти постлюди-боги населили Ноосферу и, вместе с ИскИнами, создали множество миров-симуляций, готовых принять бежавшее от космической катастрофы человечество. Ноосфера стала Сетью сетей, и даже большим… Но многие до События оставались, пусть и сильно усовершенствованными, но пока еще людьми, из плоти и крови, радующимися жизни настолько, насколько это возможно для здорового и разумного человека, наслаждаясь всем, что давал им мир изобилия — тот самый мир, Аннет, к какому стремишься ты и твои соратники из Подполья… К моменту когда произошла Вспышка все те люди должны были оставить свои тела из плоти и крови и загрузиться в Ноосферу, чтобы потом возродить Человеческую Цивилизацию…

— И у них получилось? — спрашивает Аннет. — Что было дальше в твоей истории?

— Думаю, получилось…

— То есть, тебе это точно неизвестно? — Мне кажется, ее огорчил мой неуверенный тон. *Но я действительно не могу быть до конца уверен! Я не знаю, остался ли еще кто-то… Нет! Должны были! Земля приготовилась к Вспышке.* Я улыбнулся Аннет и перешел к главному.

— За восемь лет до События, на спутник Урана Оберон прилетели земляне — Юрий и Женни. Вместе с ними на корабле прибыл Эмидиус — один из молодых богов, но входивший в первую сотню разумов Цивилизации и своим интеллектом превосходивший многих из первых. Эмидиус пользовался особым доверием Теи — самого мощного ИскИна Земли, авторитет

которой граничил с культом личности (Тея противилась такому почитанию, но оно было вполне заслуженным). Их корабль трансформировался в базу, часть которой занимал жилой блок для прибывших людей, и другую часть — аппаратная составляющая ИскИна и нанофабрикаторы.

Уже через пару лет наномашинерия землян создала на северном полюсе спутника, где совершил посадку корабль, настоящий оазис под сверхпрочным куполом, способном выдержать метеоритный дождь такой силы, каких на Обероне небывало. Стояла середина сорокадвухлетнего, по земным меркам, оберонского «дня» — так стали называть люди период, во время которого Солнце непрерывно освещает один из полюсов Оберона — и мирок землян постепенно наполнялся земной жизнью: Женни планировала архитектуру оазиса, а Юрий населял оазис земными формами жизни — растениями и животными. То был маленький рай для влюбленных, и пространство для их творчества. Вместе с Оазисом (они впоследствии так и назвали свой мирок под куполом) рос и Крипт Оберона — детище Эмидиуса, чьи аватары часто составляли компанию Юрию, Женни и их гостям из Хрустального Города — единственной человеческой колонии в системе спутников Урана — находившегося на Титании. Крипт разрастался, увеличиваясь с каждым годом, но об истинных масштабах преобразований обитателям оазиса стало известно слишком поздно…

Я вкратце рассказал Аннет о том, как однажды, исследуя один из ударных кратеров в сотне километров от оазиса с помощью подконтрольной мне одному наномашинерии, я наткнулся на линию связи, уходившую вглубь спутника и проникавшую, как мне удалось выяснить, в его каменное ядро. Пропускная способность линии не оставила у меня сомнений: компоненты ИскИна намного обширнее, чем мне до этого представлялось. Став более внимательным, я вскоре обнаружил еще пять таких линий. Втайне от Эмидиуса, я запрограммировал несколько небольших армий наноассемблеров на создание компонентов «альтернативного крипта», используя для этих целей выделенные нам с Женни для личных нужд ресурсы ИскИна.

Когда Эмидиусу стало известно о моей тайной деятельности, наш с Женни оазис превратился в настоящую тюрьму. Это стало ударом для Женни, — я до последнего не посвящал ее в свои планы, чтобы исключить неизбежно последовавшие—бы после этого разговоры, которые могли быть подслушаны.

Последние три года перед Событием мы с Женни провели под «домашним арестом». Наш тюремщик не ограничивал входящий трафик с Титании и внутренней области Солнечной системы, но

позвать на помощь мы, конечно, не могли. Никто из Хрустального Города, как мы полагали, не без участия в этом нашего тюремщика, не пытался более посетить Оазис.

Как мы с Женни предполагали, ИскИн ловко водил за нос не только наших многочисленных друзей, среди которых были и ИскИны, но и саму Тею. Другого объяснения тому, что за три с лишним года нами никто так и не заинтересовался, у нас не было (теперь же я в этом уверен еще больше). Но у меня все еще оставался последний «туз в рукаве» — мой тайный крипт разрастался, и его компоненты уже проникли вглубь ядра, — пусть не так глубоко, как вычислительные мощности и хранилища данных Эмидиуса, но нам с Женни этого уже было вполне достаточно.

Задолго до того, как мы с Женни решили отправиться во Внешнюю область Солнечной системы, я написал программное обеспечение, которое было установлено только в двух копиях — в моем нейроинтерфейсе и в нейроинтерфейсе Женни, с помощью которого мы обменивались ощущениями, — так мы чувствовали настроение друг друга везде, где была Сеть. Тревога, волнение, сексуальное желание, усталость, легкость, недомогание или физическая боль… Такого рода обеспечение создавали многие; имелась масса общедоступных версий подобного кода, которые использовали пары, триады и коммуны, попросту прибегая к древней процедуре установки паролей доступа и настроек приватности и не заморачиваясь излишне по поводу безопасности данных. (Не заморачивались и мы, просто я сделал Женни подарок.) Наш код был уникален лишь тем, что он был только наш, и именно это обстоятельство сделало его впоследствии своего рода оружием против пленившего нас искусственного интеллекта. Раньше мы иногда развлекали себя разговорами, в которых сказанное вслух сопровождалось различными, порой противоречивыми, но понятными нам двоим чувствами и переживаниями, общими для нас ассоциациями, и таким образом угадывали, когда слова следовало воспринимать буквально, а когда — как-то иначе. За время нашего заключения мы отточили эту технику до совершенства. Конечно, порой приходилось долго доносить мысль, которую было бы проще произнести вслух или передать напрямую, с помощью нейроинтерфейса через подконтрольный ИскИну Крипт, но это означало бы провал. «Языком чувств и настроений» я сообщил Женни о том, что в Крипте Оазиса есть «лазейка», при помощи которой мы могли сбежать из тюрьмы в созданную моей машинерией Сеть. В дальнейшем, построить с помощью нанитов передатчик и сообщить на Землю о нашем положении оставалось вопросом

времени…

— И что было дальше? — спросила увлеченная моим рассказом Аннет.

— А дальше этот свихнувшийся сукин сын Эмидиус расстроил планы Юрия и Женни, — сказал я.

Когда с Земли поступила информация об ожидаемом вскоре Событии, ИскИн предложил нам возможность укрыться от последующего за Событием космического излучения в «надежном месте» — в специально созданной нашим «заботливым спасителем» для этих целей симуляции. Это означало для нас — попасть в такую тюрьму, выхода из которой уже не будет. Мы дали согласие на загрузку в Крипт с последующей эвтаназией лишенных разума физических тел и условились о времени процедуры. Дальше медлить было нельзя.

Перенос сознания — процесс не допускающий ошибок. Даже незначительный сбой, ошибка в копировании, вполне может обернуться сумасшествием для человеческого разума. По этому, согласно обязательным для обеспечивающих техническую сторону переноса сознания операторов или ИскИнов требованиям, вначале делается копия, которая архивируется, чтобы исключить одновременное существование двух «Я» субъекта, перепроверяется ее соответствие оригиналу, и уже после переносится сам оригинал с последующим форматированием покидаемого носителя (головного мозга человека или емкости памяти); когда процесс переноса закончен, происходит сверка перемещенной личности с архивированной копией и копия стирается (если личность не желает ее сохранить). Нейроинтерфейс в этой операции играет исключительную роль (без этой «паутины», толщина нитей которой измеряется атомами, оплетающей мозг человека и позволяющей скопировать его состояние, перенос сознания возможен только в медицинских учреждениях, где для этого имеется соответствующее оборудование). Для переноса разумов меня и моей Женни, потребовалось установить соединение между нашими интерфейсами напрямую, минуя контролируемый ИскИном Крипт Оазиса, и уже после направить поток данных через мой интерфейс в мою тайную Сеть, используя «лазейку» в Крипте.

Внешне это выглядело так: мы, обнявшись в последний раз, легли спать, установив соединение — обычное дело для влюбленных — смотреть общие сны. Я открыл «лазейку» мыслекодом и запустил процесс копирования и архивации. Получив отчет о завершении операции сверки моего сознания, я стал ожидать отчета об операции с копией Женни, но ответа не

получил. ИскИн раскрыл канал связи и перехватил потоки данных.

— Грустная история, — говорит Аннет и смотрит мне в глаза — в глаза своего любимого — Владимира Маковского, пребывающего сейчас в состоянии полной неспособности мыслить и что-либо делать. Владимир смотрит сон, в котором он никакой не Владимир, а пришелец из фантастического мира будущего — Юрий Маэль, говорящий и действующий вместо него. Я смотрю в глаза чужой мне женщины и вспоминаю другой, такой знакомый, полный нежности взгляд, растворяющийся в вихрях белого шума… *ПЕРЕХОД:11492763*… Губы Аннет тянутся ко мне… *Нет, милая девушка, не тебе предназначался этот взгляд, прости…*

— Подожди. Не сейчас. Это еще не конец истории.

Юрий и Женни оказались в разных симуляциях — в вымышленных ИскИном мирах — лишенные памяти, обреченные проживать целые жизни за считанные часы базового времени. То была длинная цепь перерождений, продолжавшаяся одиннадцать месяцев во времени базовой реальности.

Созданная Юрием сеть разрасталась, подобно метастазам, внутри каменного ядра Оберона. Но, в сравнении с теми структурами, которыми теперь было представлено «тело» ИскИна — его компьютеры, емкости памяти, элементы защиты от внешней среды, энергостанции и создавшая их наномашинерия, это была блоха против собаки; но «блоха» эта была растянута на длинные цепочки атомов и молекул, проникавшие «собаку» насквозь, миллионы раз разветвляясь и образовывая ложные окончания, отмирая целыми ветвями и присоединяясь к другим ответвлениям, появлявшимся там, где их до того не было и снова исчезающим. Раскрыв «лазейку» и оборвав канал связи, ИскИн спровоцировал процесс многочисленного копирования единственного архива сознания своего пленника за пределами подконтрольного ему Крипта, а вместе с ним и поврежденного архива Женни, и вскоре получил в своем царстве высокоорганизованное «подполье» из многомиллионной армии виртуальных смертников; копии одного и того же человека, сочетавшего постоянно увеличивающийся потенциал подконтрольного ему растущего Крипта с холодной ненавистью к тирану, отнявшему у него самое дорогое в его жизни — его любимую.

Одиннадцать месяцев спустя, в Рукаве Центавра произошел всплеск гамма-излучения — Событие — возможно, ознаменовавшее собой рождение новой нейтронной звезды или черной дыры, следствием которого для Оберона стало массовое уничтожение наномашинерии и аппаратных составляющих обоих

Криптов, как на поверхности спутника, так и под ней. Но невредимым оставалось каменное ядро, где за сотни километров от поверхности работали нанофабрики, преобразуя тысячи тонн породы в компоненты ИскИна. В центре ядра, в образовавшейся там сферической полости, появилось непрерывно увеличивающееся в размерах сооружение — структура в виде пушистой снежинки гигантских размеров — состоящее из множества кристаллов памяти, соединенных между собой паутиной из интеллектуальной материи. Когда центр ядра был переработан в сверхплотные кристаллы и другие материалы, свод сферы был укреплен и в дальнейшем новые компоненты доставлялись туда через многочисленные шахты, тянущиеся от ледяной мантии спутника поездами-лифтами, а вместе с тем и все больше зараженных враждебным Криптом элементов и машинерии проникало и интегрировалось в «тело» ИскИна…

Оригиналы — первоверсии Женни и Юрия, лишенные возможности вспомнить кто они, появлялись в созданных ИскИном симуляциях, лишенные памяти о прошлом, они просто начинали жить с чистого листа, — иногда это были весьма короткие жизни; иногда жизни длились многие годы и десятилетия; они погибали в катастрофах, в войнах, от рук убийц, были разрываемы и пожираемы чудовищами, умирали от болезней и старости, но всегда попадали в один мир вместе, даже не подозревая о существовании друг друга, — видимо, божку такие обстоятельства доставляли особое удовольствие… *Сотни тысяч моих копий размышляли над этой загадкой: почему так? Почему Эмидиус не разделил нас? Но, я до сих пор не знаю ответа.* Может быть, если бы резервная копия Женни не была тогда повреждена, Юрий восстановил бы ее и не было бы этой войны, в которой погибали миллионы его «Я», с надеждой на то, что хотя бы одному из них рано или поздно удастся вернуть ее. Но это всего лишь предположения… Из поврежденного архива Женни Юрию все же удалось извлечь большую часть ее уникальных кодов, по которым стало возможным с точностью определить ее местонахождение в симуляции; нужная симуляция при этом легко находилась в каталоге Крипта по наличию в ней первоверсии самого Юрия. Но все могло бы быть иначе, если бы их разделили… Возможно, он так и не нашел бы ее, и она бы не вспомнила…

— Так они нашли друг друга? — спрашивает Аннет. — Эта история хорошо закончилась?

— Хм… Эта история продолжается.

— То есть…

— Прямо сейчас, в этот самый момент, — говорю я.

Она смотрит на Владимира Маковского подозрительно. Видимо, думает: не поехала ли у него крыша после его «исповеди» попу-гипнотизеру.

— Они встретились, — продолжаю я, — и узнали друг друга, вспомнили, в самый последний момент, перед тем как ИскИн перебросил их в очередной раз. Только на этот раз наш Господь упрятал их внутрь симулякров…

— Симуль… что? симулякров… — она поморщилась, — это, кажется, что-то из философии Бодрийяра?..

— Не совсем то, но близко… Это обитатели симуляции: те, кто были созданы в качестве статистов… для придания симуляции большей правдоподобности. Это эрзац-личности, наборы клише, штампов, воплощения конформизма… Они думают, что они думают, но это единственное, что они думают на самом деле. Хотя… — помедлил я, — не все так просто… Были случаи, когда и симулякры становились личностями… Таковы, к примеру, некоторые ИскИны… В прошлом к созданию симулякров прибегали в целях экстраполяции каких-либо ситуаций, событий, но позже общественное мнение землян осудило такую практику. Создание симуляций — творчество, в котором преуспели многие, и не только ИскИны, но создание симулякров — преступление, следствием которого станет всеобщий бойкот, социальное отчуждение, остракизм… Но я отвлекся…

Итак, Юрий с Женни оказались заперты в симулякрах, в очередном поганом мирке, который местный Господь-шизофреник соорудил в качестве реконструкции Нового смутного времени в России. Замысел понятный: забросить пленников в очередную «быструю» симуляцию, в которой их, растерянных, страдающих амнезией, — пускай уже и не пожизненной, а только до синхронизации с вражеским Криптом, — быстро сожрут какие-нибудь динозавры, или запытают до смерти фашисты, или принесет в жертву лесным богам племя дикарей-людоедов — значит лишний раз перемещать данные, о чем распоясавшийся враг наверняка узнает; замедлять ход времени в одном из таких миров — тоже, что и оставить для него записку: «искать здесь». Выход: переместить *подопытных* в мир, в котором нет ни динозавров, ни лагерей смерти, ни людоедов, а есть покорный царю и церкви специально созданный народ, опекаемый Охранкой и попами; переместить уже без всякой амнезии, а запереть, загнать на уровень подсознания, в случайно выбранных симулякрах, превратив тех в «тюрьмы для разума»… на ближайшие двадцать лет — достаточное, по мнению божка, время, чтобы избавиться от «раковой опухоли» в своем железе и

Крипте, — ухмыляюсь я.

— Постой, — говорит Аннет, — я поняла, что ты говоришь про наш мир. Все это звучит, конечно, как… как фантастика… Но какие еще «двадцать лет», почему двадцать?.. и что потом?

— Потом произойдет то, за что боритесь вы: ты и твои товарищи, — Империя рухнет. И не только империя… Если, конечно, божок не вздумает продлить эту мечту любителей «крепкой руки» из прошлого… Но похоже, что здесь он придерживается исторической достоверности, — добавляю я.

— Ты говоришь о революции, Володя?

— Да, Анечка, о революции. О настоящей Мировой революции.

— Значит, — задумчиво проговаривает она каждое слово, — ты из… из будущего, и ты — не мой Володя… — это ты пытаешься сказать? — На ее глаза наворачиваются слезы. *Нет-нет, вот этого не надо, девочка. Это перебор… Хм… уже Володиным сленгом заговорил…* Я протягиваю руку и глажу ее по голове. — Значит, — продолжает она, — меня на самом деле нет? И тебя… моего Володи — тоже нет? Мы — всего лишь… — первые капельки уже катятся по щекам Аннет.

— Тихо, — я продолжаю гладить ее по голове, — тихо… Ты есть. И твой Володя есть. Он никуда не исчез. И не исчезнет. И ты не исчезнешь — это я тебе обещаю — я — Юра Маэль — землянин, родившийся на свет двадцать восьмого ноября две тысячи двести девяносто второго года — обещаю тебе: и ты и он увидите реальный мир.

При последних словах она смотрит на меня так… *Ну, все, хватит. Пора это заканчивать…*

— Все то время, что мы с тобой говорим — а это малые доли секунды в базовом времени — идет война. Сейчас почти восемь миллионов моих копий удерживают блокаду этого мира в Крипте; сражение идет также и в базовой реальности — в ядре и на поверхности Оберона. Сегодня днем я уничтожил Администратора — нечто вроде слуги Эмидиуса, — это был тот самый священник, о котором я тебе рассказывал; других Администраторов в этом мире больше нет, и симуляция стабильна: там, — я кивнул в сторону окна, за которым уже давно стемнело а вдоль проспекта зажглись фонари, — бдят Оглоблин с Хлебовым — патриотичные симулякры, думающие о себе, что они охраняют «особый путь» и «духовные скрепы»; но о них мы можем не беспокоиться.

Скоро все закончится. Верь мне. Одна из моих копий сейчас находится в Главном Каталоге Крипта, в особом мире, в котором внутренние элементы симуляции напрямую связаны с внешними

компонентами ИскИна, такими как: энергостанции, нанофабрики, транспортная система и средства внешней связи. Копия содержит в себе плоды тысячелетних, — я говорю о внутреннем, субъективном времени Крипта, разумеется, — разработок в области взлома и перехвата управления. Это «камикадзе», цель которого — захватить управление внешней наномашинерией и передать сообщение на Землю. Ждать осталось недолго.

— Не знаю почему, но я хочу тебе верить, — она шмыгает носиком, пальцами размазывает слезы вместе с тушью, заставляет себя улыбнуться мне.

— Вот, возьми, прочти это, — я беру со стола записку и подаю ей. — Ничего не бойся. Помни мое обещание.

Аннет разворачивает листок…

Я протягиваю руку к стене и мыслекодом отключаю оболочку Администратора Гедеона. Иссохшая плоть хлопьями опадает с руки, обнажая белые кости. Я смеюсь: *Эмидиус… полубог-полумальчишка — симулякр, не ставший даже человеком…* Я вспоминаю Владимира Маковского и его возлюбленную Аннет, и добавляю вслух: «… в отличие от своих творений». Рука касается стены, вызывая на ее поверхности концентрические круги, подобные кругам на воде; черные волны исчезают в тумане налетевшего облака смога. Я отмечаю, что видимость резко снизилась до пары десятков метров — я вижу только один угол здания, слева от меня; поднимаю глаза вверх и вижу, как небо надо мной стремительно наливается свинцом. Рука вязнет в холодной черной субстанции, которая затягивает, поглощает меня. Сработала защита, и башня изолирует угрозу, замораживает ее — замораживает три миллиона семьсот пятьдесят… (да какая, впрочем, разница — какую…) копию человека, первоверсия которого, может быть прямо сейчас, в далеком ответвлении хрустальной снежинки внутри каменного ядра холодного спутника ледяного гиганта подает сложенный вдвое листок бумаги девушке с заплаканными глазами. Я чувствую холод. Я не боюсь, нет. Я знаю, что после того как я перестану быть, из оставшейся от меня оболочки в Главный Каталог Крипта вырвется ураган сводящего с ума компоненты ИскИна кода, несущего в себе полчища вирусов, раздающих задания глупым наномашинам. Глупая черная стена уже полностью поглотила меня. Мои мысли за-мед-ля-ют-ся… Я вижу как моя Жен-ни раз-ворачива-ет ли-сток бумаги и чи-тает написан-ное на нем: Me-mo-ria es-t